

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издателя	8
Клеймо первое. Пропавшие бумаги	14
Клеймо второе. Ермолай	34
Клеймо третье. Собор	54
Клеймо четвертое. В замоскворецком переулке	82
Клеймо пятое. Племянник	108
Клеймо шестое. В набег	130
Клеймо седьмое. Отчие камни	154
Клеймо восьмое. Иконных дел мастера	184
Клеймо девятое. И пыль веков	214
Клеймо десятое. У врат	244

*Посвящается жене автора
Наталье Николаевне Смирновой*

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Лучшей охраной художественных произведений во все времена были могила и варварство.

*Максимилиан Волошин,
«Чему нас учит икона»*

Потомственный художник, писатель, адепт самопровозглашенного магического символизма и характерный представитель Второго русского авангарда, Алексей Смирнов фон Раух (1937–2009) проявил высокое мастерство в непростом деле ускользания от мира. Обладатель самой распространенной в России фамилии, он добавил к ней аристократическую немецкую приставку, обозначающую происхождение из... дыма. Можно только догадываться, имел ли он в виду старообрядческие самосожжения, чадающие пожары разоренных дворянских усадеб или что-то другое, однако спустя полвека его инициалы стали чем-то вроде пароля для посвященных. В узких кругах Смирнова почитают как «русского Селина»: острого на язык мизантропа, ценителя и знатока чужих падений и непримиримого врага любой номенклатуры. Его стихийный анархизм и последовательное отрицание каких-либо авторитетов привели к тому, что вещественных доказательств его деятельности — изданных книг, картин в частных или государственных собраниях — почти не осталось. Литературная часть его наследия до последнего времени считалась просуммированной посмертным сборником эссе «Полное и окончательное безобразие», в одночасье ставшим библиографической редкостью. Однако Смирнов сделал больше: на его счету графика, картины, пьесы, поэзия, проза и, может быть, что-то еще, о чем мы пока не знаем.

Написанный в середине 1970-х под псевдонимом Алексей Анненков роман «Доска Дионисия» прождал публи-

кации почти полвека. Разумеется, в СССР книгу, в начале которой монах голыми руками убивает комсомолку, напечатать не могли. Если вы рассчитывали встретить “trigger warning”, ограждающий впечатлительные умы от кровавых сцен, то вот и он — вы предупреждены.

Стоит наперед отметить, что интуиции Смирнова лишены привязки к простым противоположностям вроде советского-антисоветского. По его собственным словам, «настоящее время России внеисторично, оно возвращает нас к прозрению вневременного первозданного хаоса». Будучи модернистским художником, Смирнов подступался к этому хаосу с разных сторон. Представление о нем дают его картины, напоминая иконы, из которых ушел образ Божий. Это исчезновение — одна из ключевых тем его творчества: опустевшее посреди обратной перспективы место заняли отвратительно мутировавшие чудовища, лишь отдаленно похожие на людей. Темная звериная сила, сидящая в каждом и каждой, на протяжении XX века привлекала внимание многих отечественных авторов, насмотревшихся на последствия богооставленности. С некоторыми — Владимиром Ковенацким, Юрием Мамлевым, Евгением Головиным — Смирнов дружил в шестидесятых. Южинский кружок, впрочем, его тоже не поймал: Смирнов стремительно и необъяснимо отстранился от бывших товарищей, а потом и бросил занятия изобразительным искусством, переключившись на реставрацию и роспись храмов, сулившие если не полную автономность от советской власти, то хотя бы материальную независимость. По собственному выражению, Смирнов предпочел жить духовно на краю пропасти, ни к чему и ни к кому не примыкая.

Оттуда, по всей видимости, и растут корни «Доски Дионисия». По первому прочтению может показаться, что это жанровая вещь: перехватывающий дыхание детектив,

написанный богатым на оттенки слова языком и открывающий тайны предельно законспирированного мира скупки-продажи-подделки церковного искусства, что и по сей день остается одним из самых криминальных и потаенных углов так называемого арт-рынка. Смирнов упоминал, что его персонажи не имеют прямых прототипов, в отличие от описываемых ситуаций. По свидетельству семьи автора, он и сам одно время в одиночку противостоял целой преступной группировке, специализирующейся на вымогательстве средств, полученных за роспись храмов. Возможно, что другим источником вдохновения стало громкое уголовное дело, широко обсуждаемое в газетах в 1974-м, за год до начала работы над книгой: во Львове был арестован спекулянт Мороз, в промышленных количествах продававший иконы зарубежным коллекционерам. Для этого он организовал банду, скупающую «доски» (так на сленге назывались иконы) и церковную утварь за бесценок в деревнях и обчищающую заброшенные монастыри. Морозу дали 15 лет заключения. В те же годы в зарубежной прессе стали осмысливать связь иконописных техник и первого русского авангарда, подмечая сходства между иконами безымянных русских мастеров и картинами Гончаровой, Малевича, Клуона и других авангардистов. Это сенсационное для западного искусствоведения открытие казалось Смирнову вполне очевидным:

Когда я смотрю на византийскую икону, то в геометрических складках вижу кубизм, в ритме композиции — Матисса, в вихрящемся огне красок — Кандинского, в серебре и мире овеществленного искусства. Византийское искусство было и есть наисовременнейшим искусством, и Мондриан, и Пикассо, и Поллак только искали на грязных задворках современности утерянные разрозненные элементы византизма,

чтобы вновь воссоздать величайшую мозаику европейского искусства. Мясные лавки Рубенса и хаос Делакруа были только долгим заблуждением спящих в животности веков.

Свою родословную Смирнов тоже связывал с Константинополем, приводя в воспоминаниях легенду, по которой его предок был византийским патрицием, бежавшим от турок в Московию. Проверить это невозможно, однако важно другое: проблески эллинистической мудрости, задавленные вековой кромешной жестокостью, — и есть самое ценное, согласно Смирнову, в русской культуре, и ничто не сохранило их лучше икон. Несмотря на свое безоговорочное отторжение происходящего в Советской России, да и на возможность эмиграции после череды успешных чемоданных выставок в Европе, Смирнов принципиально оставался в Москве, которую с равной горячностью любил и ненавидел. Падение режима не принесло ему чувства облегчения: непризнанная гражданская война 1990-х, в которой сгинули сотни тысяч убитых из-за двадцати метров жилплощади или цветастых кроссовок, по его мнению, отдавала тем же железом, что и события начала века. Что до последующих оценок, то достаточно будет указать, что именно Смирнов ввел в оборот хлесткое словечко «Эрэфия».

Однако это все потом. В «Доске Дионисия» же еще остается луч надежды на другую жизнь в другой России, выбравшейся из порочного цикла пресмыкательства и беспощадной мести. Произведения Смирнова роднит с прозой Мамлеева чувство страшного прозрения, открывающего глаза на неправильность и потерянность мира, но, в отличие от отца метафизического реализма, отец магического символизма впоследствии не смягчил оценок, а напротив, разочаровался пуще прежнего. В своих мемуарах Мамлеев так обозначил систему взглядов фон Рауха: «В добро как

метафизический принцип Алексей не верил и считал, что люди просто надевают в своем воображении белый намордник на мироздание».

К этому прозрению может привести и книга, которую вы держите в руках — и вот об этом действительно стоит предупредить. Не каждый человек готов к такому, но, как писал сам Смирнов, «когда нарушена историческая преемственность, как в России, все надо безжалостно вскрыть и удалить омертвевшие ткани и чуждые предметы». В рамках этого утопического проекта и стоит рассматривать «Доску Дионисия».

*Феликс Сандалов,
декабрь 2023*

КЛЕЙМО ПЕРВОЕ
ПРОПАВШЕЕ СУМАГН

Р азбирая в областном архиве дореволюционные епархиальные документы, Анна Петровна долго не могла найти нужную ей папку. Найдя же, она была искренне удивлена. Папка была пуста.

— Куда же они делись? — с этим вопросом Анна Петровна обратилась к группе довольно суетливых архивных дам, занимавших небольшую фанерную комнату, встроенную в хоры барочного храма, со стен которого безмятежно улыбались лучезарно-наглые елизаветинские херувимы. Дамы засуетились, заохали, стали припоминать, но ничего существенного припомнить не могли. Епархиальные бумаги более полувека пылились в полной невинности в самом дальнем углу архива.

— Был, правда, один старичок-краевед, но он умер уже лет двадцать назад, так он занимался этими бумагами. Жил он тут недалеко, под горой. Чудак был, его в городе все знали.

— Постойте, постойте, — вспомнила наиболее пожилая из архивных дам. — Был. Был несколько месяцев назад один молодой человек из московского музея. Он просматривал эти бумаги, — дама назвала один из наиболее известных московских музеев. — Как же, как же! Такой вежливый молодой человек в очках, все заикался от стеснения. Он у нас записан, — дама, посмотрев списки посетителей, назвала фамилию. — Безруков Анатолий Сергеевич. Вот тут и его отношение из музея в наш архив.

Анна Петровна удивилась еще больше, но, на всякий случай, все записала: и фамилию, и адрес покойного краеведа, и имя-отчество Безрукова, молодого человека в очках, по-видимому похитителя бумаг. Поняв, что больше ей ничего не добиться, она вышла из холодного собора по гулким чугунным плитам и вмурованным в них надгробиям неведомых и забытых бригадиров и кавалерственных дам.

Во дворе барочной красной с белым церкви, где размещался архив, было тепло, уютно, солнечно. Воробьи ссорились на каменной кованой ограде, и на каменных плитах играли в классики дети.

Под горой извивалась речка; старый губернский город, чернея нахохлившимся деревянным горбом старой чиновной шинели, не очень радостно вглядывался в новые кварталы. За Волгой в роще смутно выделялись силуэты монастырских строений. Где-то там была разгадка всего того, что волновало Анну Петровну.

Подгородний Спасский монастырь пережил за свою историю много бурных событий: и набеги татар с пожарами, и литовское нашествие, и многое другое. Известно было, что в начале шестнадцатого века настоятелем его был один из самых просвещенных людей своего времени, книголюб и любитель живописи. При нем в монастыре была мастерская по переписке книг, ткали серебром и золотом воздухи и плащаницы, писали иконы. Тогда же, о чем есть упоминание в летописи, и были написаны великим мастером Дионисием для Спасского монастыря несколько икон. Иконы эти долгие годы сохранялись как святыни, почернели, были записаны, покрыты драгоценными ризами.

Последним настоятелем Спасского монастыря был архимандрит Георгий, в миру богатейший, но разорившийся помещик Шиманский, чьи владения вплотную примыкали к монастырю. От усадьбы Шиманских аллея вела прямо к задним воротам монастыря, куда Шиманские обычно ездили в своем ландо по праздникам. Вообще отношения Шиманских с монастырем были самые теплые, почти родственные.

В восемнадцатом году почти все монахи примкнули к контрреволюционному восстанию и отстреливались до последнего патрона. Колокольню красные войска раз-

рушили артиллерией — там было пулеметное гнездо из трех пулеметов.

Анна Петровна, кандидат искусствоведения, недавно защитила диссертацию о Дионисии. Вообще, ей везло с работами великого русского мастера. Год назад она открыла в фондах одного северного музея его икону. Об этом она написала интересную статью, о которой много говорили в искусствоведческих кругах. Неоднократно она вспоминала о словах летописи, где говорилось о Спасском монастыре и о знаменитых в старину иконах Дионисия, написанных для Спасского монастыря, но нигде она не слыхала об его иконах, происходящих оттуда. Один старичок-реставратор, ездивший когда-то по Поволжью с самим Грабарем в первые послереволюционные годы, сокрушенно сказал: «Были мы в Спасском монастыре. Были, искали там. Все подвалы и чердаки облазили — ничего нет. Все куда-то последний настоятель попрятал. Как сквозь землю провалилось».

Анна Петровна уже стала забывать о Спасском монастыре, но не так давно среди московских коллекционеров прошел слухок, что кто-то привез из Спасского монастыря икону шестнадцатого века совершенно исключительных качеств. Кто привез, куда она делась, этого точно никто не знал, но что такая икона промелькнула на московском подпольном иконовом рынке, в этом Анна Петровна не сомневалась. Об этом ей сказал небезызвестный Конауров — коллекционер, знаток, жулик и меняла. Он сам сказал, памятуя прежние с ней разговоры о Спасском монастыре и Дионисии:

— А вы правы, Анна Петровна. Спасский — клад. Оттуда такую икону недавно привезли — пальчики поцелуешь! Антик в мармеладе! Не знаю, Дионисий или нет, но за шестнадцатый век ручаюсь. Видал сам, жулики одни на экспертизу приносили. Уплыл, дорогая, по темной водичке уплыл. Кто приносил, не могу сказать — профессиональная

тайна клиентов. Поезжайте, прекраснейшая, в Спасский. Как говорится: «Ищите и обрящете». У вас на Дионисия «золотая ручка».

Анна Петровна долго думала, вспоминала, узнавала и решила посвятить часть своего очередного отпуска тщательному обследованию Спасского монастыря и всего того, что с ним связано. Помимо интуиции был у нее еще один свой, никому не известный, кроме нее, шанс на успех. Работая в исторической библиотеке, она случайно наткнулась на одну статейку двадцать второго года с интригующим названием: «Где сокровища ризницы Спасского монастыря?». Там один местный краевед писал о расхищении монахами ризницы, о пропавших серебряных сосудах с камнями и иконами в окладах. Причем автор П.И. Гукасов конкретно указывал на лиц, спрятавших сокровища — архимандрит Георгий или же кто-то из его окружения. По предположениям П.И. Гукасова, все ценности так и остались где-то вдалеке от монастыря, спрятанные у какого-то «верного» архимандриту человека.

Приехав в город, Анна Петровна остановилась в небольшой, еще старой губернской гостинице. При входе стояло огромное купеческое, в обитой позолоченной лепной раме, зеркало в два человеческих роста, кругом была мебель пятидесятых годов и пыльные южные растения, которым было скучно и одиноко. В гостинице было много немолодых заготовителей и юных спортсменов. Все оживлялись, когда в ресторан привозили пиво.

Начала Анна Петровна свои изыскания с областного архива. Деловая переписка Спасского монастыря была рассортирована по папкам — каждый настоятель имел свою папку. Тут были бумаги о покупке и продаже пустошей, переписка с архиереями, утверждения проектов перестроек и доделок, списки жертвователей, счета за пуды сельди и семги. Все это

тянулось с восемнадцатого века до времени, когда новый наместник архимандрит Георгий занял место своего предшественника архимандрита Паисия, умершего от старческой неводержанности к еде и питию. Все бумаги монастыря новейшего времени исчезли. Исчезли недавно.

Выйдя из архива и усевшись на лавочке городского вала, откуда синели поредевшие леса и виделся Спасский монастырь, Анна Петровна, открыв блокнот, стала набрасывать схему известной ей информации. Вот что у нее получилось.

Краевед П.И.Гукасов, его статья об исчезновении ризницы и об архимандрите Георгии Шиманском. Тут был один источник информации, к нему прибавился адрес покойного П.И.Гукасова.

Коллекционер Конауров, московский подпольный иконный рынок, какие-то темные личности, привезшие отсюда, из этого города, икону шестнадцатого века. С этими темными личностями связывалось похищение из архива монастырских бумаг «архивным» юношей в очках с уголовными наклонностями — Анатолием Сергеевичем Безруковым.

Что делать? Чем интересоваться дальше? В первую очередь архимандритом Георгием Шиманским и его окружением. Ведь с двадцатых годов этим никто не интересовался. Тогда это была жизнь, полная борьбы и тайн, сейчас — прошлое, мертвенное, доживающее, часто даже глубоко спрятанное, почти враждебное. Сейчас носители этого прошлого, последние люди прежней России, чувствуя близость конца, часто сами устремлялись навстречу и старались хоть куда-нибудь пристроить дорогие им культурные и религиозные ценности. Это Анна Петровна прекрасно знала по долгой музейной работе.

«Итак, сейчас — архимандрит Георгий Шиманский, а кража архивных документов Безруковым и вывоз иконы — это на после, на Москву».

Имение Шиманских было сильно разрушено, исчезли беседки, конюшни, каретные сараи. Парк одичал, зарос. Уцелели главный дом и одна сторона полукруглых галерей, окружавших двор с флигелем. В главном доме прогнили полы, прохудилась крыша и жилыми осталось несколько комнат. Во флигеле жило несколько семей и человек десять одиноких стариков и старух — остатки помещавшегося здесь после войны дома инвалидов. Инвалиды переехали сюда из монастырских келий, выгоревших от немецких зажигалок.

Анна Петровна с интересом и тревожным любопытством взглядывалась в остатки некогда известной усадьбы. На ее расспросы о прежних владельцах старики и инвалиды отвечали бестолково.

— Господа эти здесь жили, властвовали. Их мы не помним. Хозяина за контру расстреляли. Мы не здешние. Из дома в монастырь подземный ход выкопан. Вы лучше в село сходите. Там господ помнят.

Анна Петровна перешла через плотину сильно заросшего и заиленного пруда в те пятнадцать дворов, что остались от села. Близость города сманила остальных жителей. Про подземные ходы Анна Петровна слышала почти во всех старых монастырях и усадьбах, к этому она уже привыкла, без этих рассказов не обходилось ни одно расследование.

В первом же доме старуха-хозяйка встретила ее недоверчиво и опасливо, спросила даже паспорт и, прикладывая к носу очки, читала долго, жуя губами и громко дыша измененными бронхами.

— Много тут вас ходит. Вот придете так, поинтересоваться, а потом по голове молотком стукнете.

Из ее рассказов Анна Петровна узнала, что этой весной неизвестные ворвались к старой крестьянке из села Петровиригиной, оглушили ее по голове и обокрали. Украли иконы. Известие это очень и очень не порадовало Анну Петровну.